

Новая Польша 1/2017

0: Постскрипtum к «Письму старого либерала»

Когда, почти четверть века тому назад, я писал «Письмо старого либерала» («Пшеглэнд политычный», № 19/20, 1993), я вовсе не был старым. Возможно, я этого не знал, потому что был на поколение старше молодых либералов, но речь шла совсем не о возрасте, а о либерализме. Ведь как либерал я воспитывался в Народной Польше, но либерализм, в котором я вырос, отличался от этого нового младолиберализма, появившегося в 1989 году и ненадолго пришедшего к власти в Польше. Нынешний постскрипtum имеет целью напомнить, что такое либерализм на самом деле, какова его миссия и что еще он может предложить Польше и полякам.

Свобода

Говорят, что в Польше либерализм не имеет традиций. В период трансформации исторической точкой отсчета для либералов были Мирослав Дзельский и намного старше его Стефан Киселевский^{Мирослав Дзельский (1941–1989) — польский философ, политик, оппозиционный деятель. Стефан Киселевский (1911–1991) — польский прозаик, публицист, композитор, музыкальный критик, педагог — Здесь и далее примеч. пер.}, люди, несомненно, враждебно относившиеся ко всяческому социалистическим иллюзиям и боровшиеся, один пером, а другой еще и действием, за новый капитализм, рыночный и негосударственный. Либерализм, однако, не сводится только к экономике, вопреки мнению Маркса, который полагал, что либералов в борьбе за свободный рынок мотивирует лишь экономический эгоизм. Неправда. Свободный рынок — это одно, важное, но всего одно из многих проявлений свободы. Высвобождение человеческой предприимчивости было очень важным, но не единственным путем эмансипации польского общества после коммунизма. Для либералов свобода — это критерий государственного устройства, а экономическая свобода — необходимое, но не достаточное условие свободного строя. Все это мы найдем у создателя либерализма Джона Стюарта Милля. Родившийся в 1806 году Милль одним из первых выступил за равноправие женщин (1861), боролся против рабства, защищал местное самоуправление, поддерживал создание несменяемой внепартийной гражданской службы, набираемой через экзамены и конкурсы, требовал уважения к животным и природной среде, агитировал за сознательный репродуктивный самоконтроль. В течение недолгого времени он был парламентарием, так что знал практические ограничения борьбы за принципы в демократическом обществе. В течение долгой активной жизни он часто изменял свои взгляды по конкретным вопросам, но всегда двигался в направлении освобождения человечества. Он был, возможно, самым популярным в мире идеологом либеральной демократии, хотевшим постепенно привести к массовой политической эмансипации, которая, наконец, свершилась. Так что к либеральной традиции в Польше принадлежат все те, кто боролся за отмену крепостного права и за всеобщее образование, суфражистки и эмансипантки, защитники свободной прессы и сознательного материнства, а еще, как бы ужасно это ни звучало, кооператоры и сторонники т.н. социальной экономики.

Наконец, те, кто боролся за демократию, понимаемую как участие в управлении государством, которого должно быть столько, сколько нужно для того, чтобы каждый мог наслаждаться свободой без ущерба для других. Значит, либеральную традицию представляет Болеслав Прус, в межвоенный период — Антоний Слонимский, позже — Мария Оссовская, чья «Модель гражданина при демократическом строе» — впервые подпольно изданная в виде учебной брошюры во время оккупации — по-прежнему остается важным катехизисом либерализма. Такой была и идеология Клуба кривого колеса^{Клуб кривого колеса — дискуссионный клуб оппозиционного характера, действовавший в Варшаве с 1955 по 1962 год.}, «совета старейшин» КОР и части «Солидарности» в 1980–1989 годах.

Предшественников этой традиции мы находим и в прежней Речи Посполитой, в которой такие люди, как Фрич-Моджевский^{Анджей Фрич-Моджевский (1503–1572) — польский общественный деятель, религиозный реформатор и политический мыслитель, сторонник всеобщего равенства перед законом.}, требовали свобод и равноправия для мещан, и даже если политическая нация, то есть доля полноправных граждан, составляла не более 10% общества, то стоит напомнить, что еще в середине XIX века процент политически полноправных граждан в Англии был таким же. У Милля эмансипация также ограничивалась западным обществом, деколонизация наступила лишь в XX столетии.

Обо всем этом стоит помнить, ибо в жестокой политической борьбе либеральную традицию сегодня очерняют, объединяя ее с мышлением, исходящим совершенно из других идейных источников. С одной стороны, у нас есть

политический католицизм, который в Польше имеет национальный характер. Впрочем, это не только польская черта: повсюду там, где национальная обособленность сохранялась в Церкви, религиозные институты также стали национальным центром. В Тешинской Силезии польскость пряталась в евангелических кирхах, уничтожавшихся архикатолическими австрийскими монархами, под русской или прусской оккупацией — в костелах. Костел — это твердыня национальной идентичности для большинства поляков, словаков, хорватов, ирландцев или литовцев, церковь — для украинцев. В этих сообществах донине сохраняется убеждение в том, что хороший поляк — это католик, хороший литовец — это католик, хороший хорват — это католик, а отсюда всего один шаг до убеждения в том, что хороший католик — это поляк и так далее. Во всеобщей Церкви^{Слово «католическая» переводится с греческого как «всеобщая, вселенская, универсальная».} центрами национальной обособленности становятся Церкви местные.

Стоит напомнить, какое сопротивление вступлению в Европейский союз, вопреки мнению Папы Иоанна Павла II, оказывало польское духовенство. Европа ведь не только многонациональна, но и многоконфессиональна, она не католическая, в ней живут миллионы католиков, протестантов, православных и, несмотря на дьявольские дела Гитлера и его сторонников — еще и евреев, и — какой ужас! — мусульман, причем не только этих приезжих, но живущих здесь веками, как польские и литовские татары. В братской, ибо славянской, посткоммунистической и европейской, Болгарии около 10% населения составляют мусульмане.

Как мы видим, в польском политическом католицизме речь идет не о христианстве, не о католицизме как таковом, речь идет о Нации. Польской Нации. Еще и поэтому так называемый спор мировоззрений относится вовсе не к религии, вере в Бога, в Святую Троицу, в Спасение, он относится к государственному демографическому законодательству и национальной, а не государственной лояльности. Не религия разделяет либералов и Церковь — ведь либерал может верить или не верить, может подчиняться нравственной дисциплине Церкви или нет — но обязательность веры и универсальность вытекающих из нее обязанностей, распространяющихся на всех граждан, независимо от их личных убеждений.

Третья традиция — это коллективизм. Несомненно, путаницу здесь вносит именование: говорится то о коммунизме, то о социализме, но ведь тоталитарный коллективизм можно построить и на национально-католической основе. Это началось в 1933 году в Португалии Салазара, создавшего т.н. «Новое государство», основанное на трех основных ценностях — Боге, Родине и Семье, и в Австрии Дольфуса, который, придя к власти, уже через год упразднил Конституционный трибунал, а закончилось лишь в 1974 году революцией гвоздик^{Революция гвоздик — бескровный военный переворот 25 апреля 1974 года в Португалии.} Похоже, в том же направлении движется партия, ныне правящая в Польше. Другой некоммунистический коллективизм — это национал-социализм, основанный на своеобразной религии арийской расы. Есть, наконец, атеистический марксистский коллективизм, с которым на сегодняшний день мы имели дело дольше всего.

Как мы видим, эти государственные устройства отличаются верой, религией или антирелигиозностью, но их объединяет принцип примата коллективного над личным. Права человека, права личности в этой традиции — нечто вторичное, какая-то несущественная добавка, ложная видимость с тайными интересами, на которую не следует обращать внимания, действуя во имя освобождения расы, класса, религии или нации. Так что, с либеральной точки зрения, католический и коммунистический коллективизм схожи, они представляют собой угрозу для прав человека, для личности.

Равенство

В 1988 году большинство поляков считало, что в Польше слишком мало свободы и слишком мало равенства; а двумя годами позже Польша была освобождена от коммунизма. Уже тогда большая часть граждан считала, что свободы достаточно, но по-прежнему большинство (три четверти) полагало, что равенства слишком мало. Так и осталось. Я смотрю на результаты своих исследований в масштабе всей Польши, проведенных ЦИОМ в мае 2014 года, и вижу, что большинство поляков считает общество подобием либо пирамиды — небольшая элита наверху, больше людей посередине и больше всего внизу (32%), либо — что хуже — вогнутой пирамиды: небольшая элита наверху, очень мало людей посередине и большинство людей внизу (29%). Из такого дихотомического представления рождается враждебность к элите и желание перемен.

Либерализм — не враг равенства, совсем наоборот, он ориентирован на свободу через равенство, но это равенство прав и равенство перед законом, а это означает необходимость поставить право над всеми, для кого оно предназначено. Развязка логической петли, в которой хотели замкнуть право нормативисты, состоит не в том, чтобы сформулировать основополагающую метанорму, а в том, чтобы создать метаорган власти, имеющий

полномочия принимать решения по всем правовым вопросам, не обладая при этом никакой другой властью. «Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем»^{III.Монтескье «О духе законов» (пер. А. Г. Горнфельд)}. Это формула Монтескье, которая обобщена в либеральной теории государства Милля, указывающего на необходимость обеспечения свободы, с одной стороны, через признание неприкосновенности основных прав, а с другой — через взаимный контроль (checks and balance)^{Сдержки и противовесы (англ.)} отдельных органов власти.

Либеральная эмансипация, делящаяся с XIX века, все еще продолжается. Милль защищал политическое представительство, но рассматривал его как временное зло, необходимое по причине усложнения государственных дел и недостаточного опыта и образования масс. Либеральный идеал — это общество, в котором каждый гражданин хотя бы в небольшой степени принимает участие в управлении государственной жизнью. Политический идеал либерализма — это общество всеобщей партиципации^{Партиципация — участие работников в управлении предприятием, граждан в управлении государством}. Либеральная модель человека (сравни с «Моделью гражданина при демократическом строе» Оссовской) — это человек активный и способный к сотрудничеству с другими в коллективном действии: «С уважением к человеческому индивидуализму относится такой строй, который уважает человеческие устремления к личному совершенствованию по собственным, а не навязанным ему государством и одинаковым для всех образцам; строй, уважающий личную свободу и свободу убеждений, и чью-то частную сферу. Индивидуализм, который выражается в ощущении, что есть право требовать уважения такого рода — это свойство, которое должно быть присуще каждому. В то же время, мы не хотим видеть в людях индивидуализм, понимаемый как неспособность к сотрудничеству на равных правах с другими». Так что, с либеральной точки зрения, в Польше еще многое предстоит сделать, хотя свобода экономической деятельности (так как важна она, а не какой-то абстрактный «свободный рынок», подчиняющийся скрытым механизмам воздействия), реформа самоуправления, свобода слова, собраний и политической деятельности, обретенные в конце восьмидесятых, создали основу для либеральной партиципаторной демократии. Либеральная концепция «малого государства», понимаемая в этом, более широком контексте, означает признание принципа субсидиарности^{Субсидиарность — принцип, согласно которому социальные проблемы должны решаться на самом низком уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно: центральная власть должна решать только те задачи, которые не могут быть решены на местном уровне}. задач государственной власти относительно властей самоуправления на локальном и региональном уровне. Здесь, как и в отношении прав человека, либерализм совпал с послесоборной^{Второй Ватиканский собор, открытый в 1962 и продолжавшийся до 1965 года, принял ряд важных документов и реформ, упростил обрядность, укрепил принципы экуменизма} католической доктриной, что нашло свое выражение в признании принципа вспомогательности как одного из принципов Европейского союза.

Партиципация означает также необходимость изменения отношения политиков к институту референдума. В польских условиях он стал противоречивым и показным механизмом легитимации каких-нибудь широкомасштабных политических изменений, либо локальным инструментом для замены местных политиков. Он является исключительным событием, которым злоупотребляют в исключительных целях. Перед нами свежайший пример того, как законопроект, который поддержали сотни тысяч граждан, пренебрегли их представители в Сейме. Лишь введение регулярного принятия жителями решений по местным вопросам может привести к формированию соответствующего навыка участия в референдуме как приеме общественного сосуществования, наряду с электронными гражданскими консультациями.

Партиципация также означает готовность поддержать независимость судебной власти путем массового и обязательного участия граждан в выборе или жеребьевке присяжных. Совещательный голос, вместо внешнего равноправия присяжных, помог бы сформировать в обществе умение пользоваться правом и понимание особенностей судебной власти. Как мы видим по нынешней борьбе за политический контроль над юстицией, этих знаний не хватает даже политикам. С другой стороны, юристы, запершись в осажденной крепости, облегчают деятельность противникам независимости судебной власти. А ведь известный во многих обществах гражданский фактор в юстиции способствует тому, о чем шла речь у Монтескье: «Таким образом, судебная власть, столь страшная для людей, не будет связана ни с известным положением, ни с известной профессией; она станет, так сказать, невидимой и как бы несуществующей. Люди не имеют постоянно перед глазами судей и страшатся уже не судьи, а суда»^{III.Монтескье, там же}.

Верховенство права

Основой политического порядка при либеральном строе являются именно права, права человека и права личности. Эти права от поколения к поколению познаются все глубже, их диапазон расширяется. Со времени, когда Милль-младший определил в перспективе государственной власти политические права личности как неприкосновенные, их диапазон и значение увеличились, обязательными были признаны права человека II и III поколений, а «Солидарность» обязана своим появлением их международному признанию. Вековая борьба либералов за права человека совпала после Второй мировой войны с учением Церкви. Второй Ватиканский собор признал значение прав человека и оценил разделение властей по Монтескье. Иоанн Павел II сказал, что «Существуют [...] некоторые основные человеческие права, которые никогда нельзя отнимать ни у одного человека, поскольку они укоренены в самой природе личности и отражают объективные и неотъемлемые требования универсального нравственного закона. Эти права составляют основу и меру каждого человеческого сообщества и организации. Уважение к каждому человеку, к его достоинствам и правам, всегда должно быть вдохновением и путеводным принципом всех ваших устремлений к укреплению демократии и социальной ткани [...] страны» (Иоанн Павел II, гомилия^{Гомилия — форма проповеди, содержащая истолкование прочитанных мест Священного Писания.}, произнесенная во время мессы на лугах Кубва в Абудже, Нигерия, 23 марта 1998 г.).

Таким образом, либерализм и католицизм сходятся в плоскости прав человека, и это отличает их от католического или материалистического коллективизма. Это не значит, что между католической и либеральной теориями прав человека нет разницы. Джон Стюарт Милль рассматривал политические права как неотъемлемые и не подлежащие юрисдикции государства. Иоанн Павел II рассматривает право на жизнь, относящееся и к еще не родившимся детям, в качестве основного. Милль выводит основные права из утилитарной доктрины. Войтыла — из доктрины закона природы. Однако оба они ставят определенные права превыше воли государственной власти.

Итак, верховенство права в современном понимании — это, прежде всего, верховенство прав человека. В нашей конституции основные права выделены как личные свободы. В ст.30 Конституции РП сочетаются католическая и либеральная традиции: «Врожденное и неотъемлемое человеческое достоинство представляет собой источник свобод и прав человека и гражданина. Оно неприкосновенно, а его уважение и охрана являются обязанностью государственной власти». Они должны быть неизменными, но наша конституция не заходит так далеко, как следовало бы, а вводит особый порядок приостановления их действия и затрудняет (но лишь через возможность инициативы по проведению утверждающего референдума) их изменение. Таким образом, они являются несколько привилегированной частью конституции, что обосновывает особую потребность в защите того суда, который проверяет соответствие законов конституции, а именно Конституционного трибунала, и того органа, задача которого — помогать людям в защите их прав. Поэтому тот, кто покушается на положение Конституционного трибунала и Уполномоченного по гражданским правам, автоматически покушается на положение прав человека. Так что, защита этих учреждений является обязанностью либерала.

В одном нужно согласиться с Марксом. Из того, что права человека и гражданина прописаны в законе, не следует, что этот закон на самом деле действует. Во-первых, эти права следует уважать, и инструментом должна служить не только добрая воля власти и сограждан, но беспрепятственная деятельность судебной власти при поддержке власти исполнительной и законодательной. Следовательно, у Конституционного трибунала должна быть возможность беспрепятственного принятия решений, у Уполномоченного по гражданским правам — условия сотрудничества со стороны администрации, перед которой он защищает эти права, а прокуратура и полиция должны тщательно заботиться о защите прав человека и их беспрепятственной реализации. Во-вторых, люди должны иметь реальный доступ к органам юстиции и средствам защиты прав человека. В-третьих, сами права должны быть выполнимыми — речь ведь идет не об абстрактном достоинстве, а о жизненных средствах, здравоохранении, образовании, искусстве, выражении своих взглядов и своих убеждений. Возможны ли при либеральном строе равные шансы доступа к этим и другим основным благам? Граждане пока не видят этого равенства.

«Нужно быть самоотверженным. Самоотверженность мы жаждем видеть не только спонтанной и не только при личном контакте человека с человеком. Мы также хотим организованной и плановой самоотверженности ради реализации общих целей, ибо такой самоотверженности требует социальное служение, которое при демократическом строе гражданин должен считать своим долгом» — писала Мария Оссовская семьдесят лет тому назад, добавляя, что «эгоцентризм, который вообще не замечает чужих интересов, причиняет в общественной жизни не меньше зла, чем эгоизм, который замечает чужие интересы, но, в случае конфликта с собственными, выбирает собственные».

В 210 годовщину со дня рождения создателя либерализма Дж. С. Милля я напомнил о его деятельности, чтобы показать, что настоящий либерал помнит не только о своих, но и о чужих интересах. «Существует граница правомочного нарушения независимости личности мнением большинства, и нахождение этой границы, а также

удержание ее вопреки всяческим искушениям, является столь же необходимым условием надлежащей системы человеческих отношений, сколь защита от политического деспотизма». Ведь свободу, о которой идет речь, он определил опосредованно, говоря о свободе действий, «ограниченной до такой степени, чтобы она не причиняла зла (вреда) другим». Прогрессивный налог, ограничение наследования собственности и т.д. — он одобрял такие способы ограничения неравенства и в сфере распределения благ, но ради уравнивания собственности не через отчуждение, а через уменьшение разрыва в условиях жизни так, чтобы пользование плодами собственной предприимчивости не причиняло зла (вреда) другим. Ибо свобода и ее права неразделимы.

Перевод Владимира Окуня

Яцек Курчевский (р. 1943) — специалист по социологии права, профессор Варшавского университета, диссидент. После 1989 г. судья Государственного трибунала Польши и депутат Сейма от партии Либерально-демократический прогресс. Недавно опубликовал: «Пути эмансипации. Собственная теория эмансипации государственного устройства в Польше» (2009), «Антагонизм и сближение в мультикультурных сообществах» (с Александрой Герман, 2012).

1: Ошибка

<i>Я ошибся</i>	Мартин Хайдеггер
поднялась всё-таки это она подписала 50 тысяч смертных приговоров насилие не имеет ничего более невинного чем мысль но она пробита пулями никто не причинил боли но не сумел вовремя сказать НЕТ густой дым человеческих тел только крови пепла обрезанных волос не имеет ничего более одинокого чем мысль ветер блуждающий среди звёзд всё имеет право на ошибку кустарник-дичок причудливо изрезанный листьями говорят человек это ошибка белкового кода я уже никогда не скажу что человеку свойственно ошибаться человеку свойственна резня похищение тех кто ни в чём не повинен убийство детей живая плоть замурованная в бетон знаю протест мой будет напрасен как пёрышко подложенное мертвецу под ноздри Да и что значит душевный разлад перед расстрельным взводом который не ошибается я ошибся сказал ДА когда надо было сказать НЕТ ДА – НЕТ вот всё что может мысль человеческая в бытии-к-смерти 1981	

Перевод Андрея Базилевского

2: Образовательный скачок малыми шагами

С профессором Лукашем А. Турским, вдохновителем и организатором Центра науки «Коперник» в Варшаве, Магдалена Байер беседовала об учении детей, а не учении предметов, о вязании крючком и пользе чтения о приключениях Тома Сойера, о том, как полезно рассматривать саксонский фарфор, а также об анахронизме современных учебников, самоорганизации мышления, куличиках из песка и революции, более значимой, чем революция Гуттенберга.

Магдалена Байер: *«Восприятие науки в обществе», ради которого вы сделали очень много, обусловлено уровнем образования. Начнем беседу с оценки этого уровня.*

Проф. Лукаш Турский: Образование во всем мире находится в состоянии кризиса. Причем это не тот кризис, который вызван решениями политиков, хотя их вклад в это значителен. Кризис возник в результате того, что на протяжении последних десяти с лишним лет происходит невероятная цивилизационная революция, которая быстро движется вперед и к которой мы все абсолютно не были готовы. Поскольку система образования охватывает многие миллионы людей по всему миру, то любые изменения в такой огромной организации сопряжены с трудностями и осуществляются весьма медленно. Цивилизация развивается стремительно, поэтому изменения, которые мы начнем осуществлять сегодня, несомненно, должны будут подвергнуться, спустя некоторое время, очередным изменениям.

— *Может быть, следует более радикально, буквально революционным путем, преобразовывать способ подготовки людей к взрослой жизни?*

— Может быть, только никто не знает, как это практически сделать. Если бы мне надо было назвать одну причину, по которой реформы в сфере образования — во всем мире, и особенно в Польше — не отвечают выдвигаемым требованиям, то я сказал бы, что те, кто профессионально занимается этими проблемами, в том числе и отвечающие за них политики, мыслят таким способом, который остается неизменным на протяжении столетий. Сегодня не следует задумываться над тем, чему учить и даже как учить, но сегодня следует продумать глубоко и очень основательно способ повышения образовательного уровня общества, которое погрузилось в повсеместную доступность информации. Это совершенно изменило образ жизни людей. Разве школа может оставаться такой, как она есть?

— *Вопрос риторический.*

— Конечно. В мире (и в Польше также, но мы мало об этом знаем) проводятся серьезные эксперименты, которые должны показать, как должна выглядеть школа в изменившейся цивилизации.

— *Но что-то мы уже об этом знаем?*

— Подтвердилось нечто, что мы знаем довольно давно, и что доказывают теперь достоверные актуальные результаты исследований, а именно — не всех детей можно учить одинаково. Одни учатся быстрее, другие медленнее, одни легко запоминают стихи, у других с этим сложности, но зато они легче запоминают математические примеры и т.д. и т.п. В связи с этим горизонтальная структура школы предполагает, что в школу приходят в определенном возрасте, что через четыре или пять лет переходят уже в более высокий школьный класс, и что если у нас вторник и третий урок физики, то по программе проходят наклонную плоскость по всей стране — все это бессмысленно. Очень и очень давно, когда возникли начальные школы, то есть школы для целого поколения детей, учить иначе не получалось — по техническим и организационным причинам. Учителя из произведений Диккенса, с розгами в руках, не были дегенератами, садистами, просто иногда у них в классе было сто человек, сборище детей с самыми разными умственными способностями и характерами, и всех их надо было обучить примерно одному и тому же. Учителя разделяли их по возрасту, и это обеспечивало некоторый порядок. В XIX веке воспитатели, в частности швейцарец Песталоцци, констатировали: мы учим ребенка, а не учим предметы. Оказалось, что это легко сказать, но очень трудно воплотить. Теперь мы можем это сделать, нет никаких причин, чтобы не проводить индивидуализированное обучение.

— *Но это, наверное, и сегодня сделать не так просто. Как, по вашему мнению, профессор, только ли ментальные взгляды, привычки здесь мешают?*

— Вероятно не только, но об этом вообще не говорят, разве что провозглашают иногда общие фразы. Все реформы, особенно те, что проводятся в Польше, — это реформы, которые осуществляются по единой схеме, имеющей целью полностью отнять у детей и учителей свободу. Преподаватель, который пытается учить немного иначе, чем это представляют себе куратор или министр, вызывает подозрения. Возьмем классный час — эти уроки нельзя вести по установленной заранее программе, они должны быть реакцией на те события, которые происходят в данном сообществе, такие, допустим, как избитый, не дай бог, где-то рядом ученик или ученица, или такие, скажем, как выигранная учеником данной школы олимпиада или конкурс по декламации. Интересные события, происходящие в сфере культуры, спортивные или даже политические в ближайшем окружении школы — это же тоже прекрасная тема для классного часа.

— *Учить следует учителей.*

— Конечно! Но учителя оказались в самой худшей ситуации. Им «достаётся» со всех сторон. Развитие цивилизации привело к тому, что кроме указаний, поступающих от образовательных властей, они еще получают эсэмэски, послания по электронной почте от родителей, влияние которых на жизнь школы невероятно возросло. Участие родителей в этой жизни необходимо, но только в сфере воспитания, а не обучения. Я повторяю: мы живем в эпоху, когда развитие цивилизации принуждает к принципиальным изменениям. Не революционным способом, надо малыми шагами, которые последовательно преобразуют систему образования.

— *С чего начать?*

— Школа должна понимать, что в нее (школу) приходит ребенок. Не просто шестилетний или семилетний несмышлениш из небольшого или большого города — значение этих обстоятельств здесь неважно. Приходит ребенок с определенными способностями, которые следует распознать. Разумеется, необходимо сориентироваться, что детерминирует проявление тех или иных способностей, тех или иных интересов, надо знать, в каком доме проживает этот ребенок. Если он пришел из дома, в котором никогда не было книг, никто

никогда не посещал театр, то следует подходить к нему иначе, чем к ребенку из профессорской семьи или из семьи артистов.

— *До какой степени можно индивидуализировать такой подход?*

— Полностью! Только надо это очень хорошо продумать. Разумеется, существуют определенные общие черты, характерные для поколения учеников в определенном возрасте, но на результативности обучения сказываются прежде всего имеющиеся различия. Детям, которые постигают предмет медленнее, например, математику, следует уделить больше времени, заинтересовать этой математикой, показать, что она им нужна и в их дальнейшей жизни для чего-то пригодится, а прежде всего их надо склонять к тому, чтобы они и сами что-то делали, в том числе в области математики.

— *Я повторяю: это требует очень многого от школы. Для полностью индивидуального процесса обучения потребуется больше учителей, не говоря уже о более высоком уровне педагогической подготовки и более глубоких общих знаниях.*

— Последнее требование выглядит сегодня иначе — в связи с интернетом. Нам не нужно иметь книги на полках, учителям тоже. Все есть в сети (есть и глупости), надо только суметь отыскать. В Гданьском университете, например, есть великолепная библиотека в интернете, можно и следует туда направлять учеников в соответствующем возрасте.

— *Это должны делать учителя, поэтому их надо готовить к такой роли.*

— Конечно, нам следует иначе готовить их к этой профессии. Но для этого нам, прежде всего, следует изменить свое отношение к учителям. Это профессия творческая, чрезвычайно сложная! Педагог из приходящего в школу ребенка формирует гражданина в прямом смысле этого слова. А поскольку дети самые разные, то ему, повторяю, приходится искать разные к ним подходы. Никто не напишет — на уровне куратора или министерства — инструкцию: как поступать с Катей, которую интересует как раз математика, а рядом с ней сидит за партой Янек, которого занимает строительство скворечников. Индивидуализированное обучение будет заключаться в том, чтобы убедить Янека, что без знания математики ему будет трудно строить более сложные скворечники, а Кате показать, сколько потребовалось информации, совсем не из области математики, чтобы, например, были созданы великолепные наряды в Каталонии в XVI веке. Если мы будем в школе непрерывно давать знания о мире с разделением на предметы, то дело плохо кончится. Детей теперь надо учить глобально.

— *Категорический постулат. Я снова спрошу, с чего и как начинать?*

— Все это очень трудно, и я не сумею ответить точно на ваш вопрос, но я знаю, что это необходимо. Пример, который несколько приближает к ответу: вся страна жалуется, что снижается уровень чтения, что с самых ранних лет дети не читают книг. А как же им читать, если те книги, которые задают по школьной программе, ужасно скучны для детей? В каком-то классе велют читать «Приключения Тома Сойера» — прекрасную книгу, которую, однако, не может ни понять, ни оценить ребенок, не знающий географии и не имеющий понятия о том, что ширина Миссисипи 40 километров и напоминает она пресное море. И тут достаточно отослать его к Википедии (которая, впрочем, не свободна от ошибок), чтобы он узнал все о Миссисипи и представил себе, как Том Сойер плавал на плоту по этой реке. Кроме того, он узнает, какие суда ходили по Миссисипи во времена Тома Сойера, а также о том, чем и почему они отличались от тех, что ходили по европейским рекам (у первых приводное колесо было сзади, а у вторых — сбоку). «Проходя» эту одну книгу в течение всей четверти, можно обучить ребенка литературе, географии, истории, физике. И в этом состоит именно учение ребенка, а не учение предметов. Если ученик особенно заинтересуется навигацией на Миссисипи, то хороший учитель направит его на занятия в классе, где используется расширенная программа по физике, где он узнает об этом подробнее. Почему там были условия для навигации именно такие, отличные от навигации в условиях океана, и как это повлияло на судостроение.

— *Такой класс должен быть доступным для ученика.*

— Разумеется, и это показывает, какие, в частности, системные изменения необходимы. Повсеместно наблюдаемым следствием информационной революции, которую мы сейчас переживаем, является то, что мы постоянно смотрим в экран. Множатся жалобы на это, появляются все больше работ на тему вредных последствий такого положения вещей как для тела, так и для ума и т.п. Экран — это феноменальное окно в мир, но следует знать, что оно чему-то служит, необходимо уметь сквозь это окно смотреть, чтобы различать увиденное, и обучение этому является одной из задач, стоящих перед школой. Эту задачу, как и все остальные, современная школа должна выполнять в соответствии с основным постулатом, согласно которому дети должны

делать что-то сами. Они должны получать знания, делая какие-то конкретные вещи, будет ли это графика на компьютере, скворечники или елочные украшения. В большинстве школ в настоящий момент этого не происходит, ибо их структура не позволяет это сделать. Успех неформального обучения (кошмарное польское определение), которое мы популяризируем в «Копернике», в Клубах молодого изобретателя, в десятках иных подобного рода движениях, которые существуют в Польше, заключается в том, что дети хотят что-то делать сами, и в результате в этом они достаточно преуспели. Мы подготовили новую школьную лабораторию, которая теперь, к сожалению, видимо, будет ликвидирована, поскольку по мысли нынешней школьной реформы вновь вводится разделение на предметы. Дети, в том числе самого младшего возраста, будут учить физику отдельно, биологию отдельно, химию отдельно. А природа не делится на биологическую, химическую и т.д. В нашем мозгу тоже нет отдельных перегородок, разделяющих между собой биологию, математику, историю...

— Я помню определения, усвоенные в школе: природа одушевленная и неодушевленная.

— Жизнь — это форма существования белка... В песне Агнешки Осецкой высмеивается мышление XIX века или даже более далекого времени. Идеей, которая вполне соответствовала современности, было обучение интегрированное, особенно на раннем этапе. И наша лаборатория была задумана именно так. Детей выводили из школы, например, в парк, и там проходил урок на тему природы с разными небольшими экспериментами, которые выполняли сами дети, а по возвращении в школу учитель обсуждал все это с ними. Центр «Коперник» подписал со Стэнфордским университетом образовательный проект, заключающийся в том, что учащиеся учились распознавать в той среде, в которой они живут, актуальную для этой среды проблему, которую надо решить. Главный вопрос — есть ли у детей какие-нибудь идеи и что можно с такой проблемой сделать. Размышляя над этим, им приходилось научиться множеству вещей. Но в то же время можно многому научиться, занимаясь обычными вещами, например, в нашей «мастерской», где дети строят деревянный мостик, проверяют его прочность и анализируют, от чего она зависит. Вязание крючком, которое было кошмаром для целых поколений школьников, стало прекрасной возможностью ознакомиться с различными, совсем не обязательно тривиальными, математическими вопросами, а вязание крючком брюггских кружев дало возможность узнать их историю и культуру этого региона. В самом деле, существуют десятки подобного рода возможностей, надо лишь иначе подумать о тех детях, которые должны учиться в школе.

— Противники, а может, просто скептики используют тот аргумент, что подобное обучение идет путем дигрессии — от умения вязать кружево происходит переход к познанию истории, от строительства скворечников — к математическим расчетам, а по дороге что-то теряется.

— Да, но сейчас мы тоже что-то (как много?) теряем. Это неизбежно, а теряем ли мы вещи на самом деле важные или второстепенные, это зависит от учителей, от их ума, опыта, умения распознать, что детей интересует, и от их умения воспользоваться этим интересом. Если, например, пришлось бы преподавать историю польско-саксонских отношений (важных для нас в определенное время), начиная с саксонского фарфора, затем судьбы графини Коссель, царствования польских королей из династии Веттинов, узников Кенигштайна и т.д. и т.п., то может быть, эти дети узнали бы больше по истории и эти знания усвоились бы ими лучше. История — это то, что делали люди. Если ходишь по какому-то городу или городку и знаешь, что там шли бои, что по улицам этого города передвигались различные войска, что ратуша, которую мы осматриваем, переходила из рук в руки, что она была сожжена или взорвана, то это остается в памяти, ты связываешь это с эпохой, ассоциируешь с другими известными фактами из той же эпохи. И всегда бывает так, что один ребенок очень этим заинтересуется, а другой будет рассматривать игрушки в витрине магазина. Ну и что?

— То, что мы теряем в процессе школьного обучения, сегодня можно легко восполнить, используя интернет.

— Поэтому создание школьных учебников сегодня представляет собой нечто совершенно иное, чем когда-то. Я никого не хочу разоблачать, авторы учебников прекрасно выполняют свою задачу, только это анахроничная задача. Учебник должен быть инструкцией к тому, как пользоваться источниками информации, он должен отсылать к поисковику в интернете и объяснять, как ими разумно пользоваться, какие там могут быть ловушки. Это чрезвычайно трудно, и я не утверждаю, что удастся это сделать сразу, я не утверждаю, что мы знаем, как это сделать. Но вернуться на несколько лет вспять, повторяя фразу: «Когда я ходил в школу, это было хорошо» — это тоже не выход. Мы постоянно не отдаем себе отчета, как ускорилося развитие цивилизации. Люди стали другими, хотя клеточки нашего мозга изменились ненамного. Изменился образ жизни.

— Изменения в образовании общества, которые вы представляете как необходимые, — это, собственно, революция, скачок над тем, что существует сейчас, в новую эпоху.

— Да, но этот скачок требует величайшей осторожности. Он должен совершаться малыми шагами — решительно и последовательно. Неудачная школьная реформа может нанести серьезный вред, причем я предупреждаю, что никого из тех, кто предлагает и разрабатывает реформы, я вовсе не хочу изобличить в плохих намерениях, это было бы абсурдно. Я только считаю, что все прежние, особенно новейшие предложения требуют принципиального изменения мышления, изменения языка, с помощью которого мы описываем мир, именно об этом я попытался здесь сказать. В развитии науки (а педагогика — это наука) так и происходит. Опоздания с проведением переломных изменений (не только в сфере образования) происходили потому, что значительная часть причастных к этому людей не смогла учесть того факта, что старый язык полностью изжил себя. Так случилось в сфере физики на рубеже XIX и XX веков. Классическая физика девятнадцатого века уже была не в состоянии описывать новые явления, которые открывались. Надо было менять язык, совершить революцию в понятиях, и сегодня мы являемся бенефициарами той революции. Приведу современный пример: научные результаты, на основе которых действует iPhone, пришли из двадцатых годов прошлого столетия. То же самое должно произойти с образованием, и это предстоит сделать нашему поколению.

— Удается ли это сделать малыми шагами? Не потребуется ли глубокая радикальная, именно революционная реформа?

— Я считаю, что в этой сфере следует продвигаться малыми шагами, которые в определенный момент, которого мы и не заметим, принесут великие изменения. Существует понятие самоорганизующейся критичности. Если на пляже люди будут ставить куличики, а потом на верхушку такого куличика сыпать песок, то у конусов на верхушках всех этих куличиков будет один и тот же угол, они будут одинаковыми. Все деревья данного вида имеют одинаковые листья. В Польше, Франции, Украине и везде в других местах, ибо так действует самоорганизация.

— Как это соотносится с реформированием школы?

— Это относится к размышлению о школе. Давайте-ка дадим нашим мозгам организовать. Необходимо лишь создать условия — должен быть песок для того, чтобы лепить куличики.

— Каковы необходимые условия, чтобы учить детей так, как вы, профессор, это описали?

— Необходимо создавать детям возможности для этого, поощрять их к какому-то занятию. Надо их к этому приучать, и это совсем нетрудно, так как дети по природе хотят что-то делать. Я подчеркну здесь, что дошкольная система у нас очень хорошая. У меня есть опыт с тремя внуками, и наилучшее обучение они получили в детском саду. Они узнали множество всего — через игру, через то, чего не хватает именно в школе, то есть через делание разных вещей. Я искренне восхищаюсь теми женщинами, которые их воспитывали в детских садах. А потом... чем дольше дети ходят в школу, тем менее она к ним дружелюбна. Им не дают знания того, как связана математика или физика с теми ситуациями, в каких человек оказывается ежедневно, а ведь именно такая связь вызывает гораздо большее любопытство, чем вызубренные на память законы и примеры. Девушке, которая станет когда-нибудь парикмахершей, математика пригодится для того, чтобы определить, сколько ей потребуется полотенец, щеток для волос и шампуней при таком количестве клиенток, а сколько при большем их количестве. И я тут не рекламирую какой-то примитивный утилитаризм, замену всех школ на профессиональные училища, я просто настаиваю на том, что каждая школа должна удовлетворять естественное любопытство детей к тому, что их окружает, одновременно она должна расширять горизонты, соотнося информацию о чем-то близком и понятном с отдаленными во времени и пространстве явлениями, которые, благодаря этому, дети быстрее поймут и запомнят.

— Вы говорите о том, как сильно новые технологии меняют мир и нас самих. Какой должна быть их роль в школьном образовании?

— Весь огромный Центр науки «Коперник» необходим, чтобы возникла, в частности, школьная лаборатория, о которой я говорил. Наблюдая за тем, как реагируют дети на наши эксперименты, мы знаем уже, что им дается легче, что труднее. А какие это должны быть эксперименты, мы узнавали у приглашенных учителей, которые рассказывали нам, что интересует детей. Я вам скажу, что с годами я начинаю поражаться тому, как великие мыслители прежних времен, не имея того опыта, который есть у нас, знали откуда-то про самые разные важные вещи. Например, Томас Джефферсон (а я поклонник Джефферсона), кроме тысячи всевозможных вещей, которые ему удалось сделать, написал проект для университета в Вирджинии, организованного им самим, и запланировал в нем, как должны развиваться научные исследования, как поднять образование на более высокий уровень. В своей программе он констатировал, что научные исследования рождаются на почве любопытства человека; нельзя просто приказать, чтобы они появились. А любопытство человека пробуждается в его взаимодействии со средой (социальной или естественнонаучной). Одной из величайших ошибок современных

организаторов науки является пренебрежение к этому фактору. Неправда, что чистая наука заключается лишь в том, что люди сидят и стараются что-то придумать. Размышления Альберта Эйнштейна возникли потому, что тогда все занимались проблемой времени. Это было началом радио, телеграфа, поезда начали ездить по расписанию. Время стало чем-то очень важным в жизни каждого человека. Об этом начали размышлять в категориях физики, Эйнштейн занялся этим, и мы знаем, к чему это привело. Наука развивается, как производное влияния среды на нас, ученых. То же должно происходить и со школьным обучением. Следует пробуждать или же развивать любопытство, которое у детей есть, и направлять его с учетом индивидуальных способностей. Школа в нынешней структуре у большинства детей убивает интерес к жизни.

— *Каковы перспективы внедрения этих изменений в жизнь, хотя бы в плане самых первых малых шагов в этом направлении?*

— Если говорить поначалу в общих чертах, то я думаю, что нас ждет гигантская перестройка социальной структуры во всем мире, ибо она совершенно не подходит к новой цивилизации, которая возникла и ускоряется. Я предполагаю, что в обозримом будущем в мире не будет государственно-национальной структуры — она не соответствует цивилизации, основанной на новых технологиях. Независимо от того, каково наше отношение к этому, мы переживаем революцию, более значительную, чем революция Гуттенберга, с чем многие не могут примириться и найти в этом новом мире свое место. Никто с этими людьми не разговаривает, а школа их не готовит к новой ситуации. Почему так важно учить детей решать проблемы? Потому, что в очень скором времени не останется никакой работы (за исключением, может быть, опеки над старшими, которых в стране станет больше) для людей, которые не умеют формулировать и решать проблемы.

— *Будет ли, по вашему мнению, в этом будущем и не столь отдаленном мире жить легче, чем в нашем?*

— Я думаю, да. Я также думаю, что он будет более интересным, хотя и «съежится» вследствие развития всяческих коммуникационных техник. Мои внуки, наверное, смогут полететь — не на Луну, зачем так далеко — но в ближайший космос, чтобы оттуда посмотреть на Землю, а это, наверняка неопишное удовольствие. Я им немножко завидую. Но мы говорим прежде всего о школе и в заключение надо повторить, что к этому грядущему миру именно школа и должна готовить очередные поколения. Поэтому надо ее изменить.

— *Успеем?*

— Должны успеть.

Профессор Лукаш А. Турский — физик-теоретик, председатель Программного совета Центра науки «Коперник», профессионально связанного с Центром теоретической физики ПАН. Занимается также популяризацией науки. В 1998 году Лукаш А. Турский стал лауреатом премии им. профессора Гуго Штейнгауза за организацию первого «Научного пикника». Является лауреатом премии им. Мачея В. Грабского, впервые врученной Фондом содействия Польской науке — за деятельность, направленную на популяризацию восприятия науки в обществе.

3: Школьные замечания

Ученик К. на уроке религии жульничал во время игры в карты.

Мучает учителя, постоянно спрашивая, можно ли подготовить доклад о битве под Ватерлоо.

Амадей что-то такое делает, не знаю, как это назвать.

М.И. без разрешения ушел домой за кастрюлями.

Воруют со школьной кухни картошку, которую затем жарят вместе с вахтершей.

На уроки физкультуры надевает слишком обтягивающие штаны.

Был послан за мелом, но принес улиток.

Ученики Ковальский и Новак отказываются называть свои фамилии.

После контрольной ел шпаргалки.

Бросил в учителя цветочный горшок и крикнул: «Попал».

Поет на уроке музыки.

Будучи пойман при списывании, утверждал, что просто «вдохновлялся».

Твердит, что когда вырастет, станет арахисом. Сердится, что я мешаю ему делать карьеру.

Павел поет песенки 1960-х годов и велит мне подпевать, потому что, как он утверждает, я их все наверняка помню с юности.

При упоминании учителя физики морщится с отвращением.

Павел постоянно ржет и стучит по парте — говорит, что хочет стать музыкантом.

Заглядывал в учительскую через замочную скважину.

Во время экскурсии скользил в музейных тапочках и подставил учительнице подножку.

Не хочет писать контрольные работы — говорит, что это для него слишком большой стресс.

На любой вопрос учителя отвечает: «Боже мой!»

От радости, что учитель не пришел, свалил классную доску.

Задаёт вопросы, ответов на которые я не знаю.

Опоздал в школу и объяснил это тем, что у него была назначена важная встреча с Майклом Джексонem.

Не хочет писать мелом на доске — говорит, что это устаревший метод.

Играл в морской бой в школьном дневнике.

Пишет сочинения иероглифами.

Пьет воду из аквариума и ворует у рыбок корм.

Спрашивал разрешения послать смс вместо того, чтобы идти к доске.

Выбросил портфель одноклассника за окно, сказав, что «если любит, то вернется».

Во время соревнований специально бежал медленно, утверждая, что хочет выиграть время.

Назвался чужим именем, мотивируя это тем, что ему бы хотелось, чтобы его так звали.

Был послан намочить губку для школьной доски, но вернулся с мокрой головой и сухой губкой.

Написав самостоятельную работу на листочке, не сдал ее, утверждая, что оставил дома.

Во время контрольной работы по информатике утверждал, что не списывает, а копирует.

Филипп, когда его вызвали отвечать, сказал, что не будет давать показания без адвоката.

Кшиштоф говорит, что теперь его зовут Раби Кшиштоф Здунковитц, и требует, чтобы к нему так обращались.

Толкнул одноклассника и сказал, что у него болит голова.

Пшемек играет на уроках со всем, что попадется под руку, включая больной палец.

Радек ходит по коридору и велит детям заклеивать окна скотчем, а когда его спрашивают, зачем, отвечает, что открыл фирму.

Кшись приносит в школу открытый джем и заставляет детей его покупать.

Подвергает одноклассников смертельной опасности.

Анонимная публикация в интернете.

4: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Епископы, священники, другие духовные лица, президент Республики Польша, представители государственной власти и органов самоуправления, а также верующие со всей Польши единодушно и торжественно признали царствование Иисуса Христа над Польшей и всем нашим народом, живущим на Родине и во всем мире. Это важное и волнующее событие, которое произошло в субботу в Храме Милосердия Божия в краковских Лагевниках, увенчало 150-летний юбилей крещения Польши и юбилей Милосердия, закончившийся вчера». (Славомир Ягодзинский, «Наши дзенники», 21 нояб.)
- «В торжественной интронизации Иисуса Христа как короля Польши приняло участие более ста тысяч паломников из Польши и из-за границы». («Наши дзенники», 21 нояб.)
- «С минувшей субботы королем Польши является Иисус Христос. Президентом остается Анджей Дуда». («Политика», 23-29 нояб.)
- «Нет никаких сомнений, что Польша — это единственная европейская страна, в которой президент принимает участие в событии со столь религиозным содержанием», — проф. Мечислав Рыба. («Наши дзенники», 21 нояб.)
- «Епископ Анджей Чая, председатель коллегии по вопросам интронизационных движений при Конференции Епископата Польши (КЕП), подчеркнул, что собравшиеся в Храме Милосердия Божия в Кракове (...) — это представители польского народа, желающего признать Иисуса Христа своим королем и владыкой. (...) Епископ Роман Пиндель, член коллегии интронизационных движений при КЕП (...) рассказал о причинах торжественной интронизации Иисуса Христа. Одной из них стала деятельность интронизационных движений, общим стремлением которых является признание власти Короля Иисуса поляками». (Малгожата Енджейчик, «Наши дзенники», 21 нояб.)
- «Слова Акта Признания, произнесенные председателем Конференции Епископата Польши архиепископом Станиславом Гондецким во время торжественной коронации (...) развеяли все иллюзии. (...) “Иисусе, царствуй над нами! В наших школах и вузах (...). В центрах общественных коммуникаций (...). В наших учреждениях, а также везде, где мы трудимся, служим и отдыхаем. (...) Сделай так, чтобы все органы власти правили справедливо и диктовали законы в согласии с законами Твоими”. Все, что говорил архиепископ Гондзкий, своим присутствием подтвердили президент Польши Анджей Дуда и премьер-министр Беата Шидло. (...) В краковском Храме Милосердия Божия в присутствии президента и премьера страны наступил конец светского государства (...) и было санкционировано государство религиозное», — Ян Стоцкий. («Трибуна», 23-24 нояб.)
- «“Провозглашение Христа королем Польши неуместно, излишне и противоречит идеям Епископата”, — написали польские епископы 16 марта 2008 года. А в епископском послании от 25 октября 2012 г. “Об интронизации Иисуса Христа” читаем: “Не нужно объявлять Христа Королем и возводить его на трон”», — о. Адам Бонецкий, глав. ред. («Тыгодник повшехны», 20 нояб.)
- «В январе 2016 г., через несколько месяцев после смены власти, вопрос был радикально пересмотрен — царствование Иисуса стало вдруг “теологически допустимо”, а “его интронизация крайне необходима”». (Мартин Колодзейчик, «Политика», 23-29 нояб.)
- «Мне не кажется, что есть какая-то существенная разница между Епископатом и “Радио Мария”. (...) Пресловутая открытость католической Церкви — это всего лишь надежда элит. И надежда тщетная. Рыдзык победил. Сегодня нет никого, кто мог бы взять на себя роль лидера оппозиции по отношению к “Радио Мария”, кто выстроил бы новый образ католицизма. Есть отдельные священники или их круги (...), однако их голоса почти не слышны. Рыдзык сильнее многих епископов», — Мачей Гдула, социолог. («Газета wyborcza», 3-4 дек.)
- «Необходимо требовать от атеистов, православных и мусульман заявления о том, что они знают и обязуются уважать польскую конституцию и ценности, которые в Польше считаются важными. (...) Невыполнение этих требований должно быть однозначным поводом для депортации», — Беата Матусьяк-Пелюха, депутат фракции ПИС, ранее была муниципальным депутатом, главой сельской администрации,

- старостой; одна из основательниц предыдущей партии Ярослава Качинского «Соглашение Центр», где выполняла обязанности секретаря воеводского управления партии. (*«Польска», 21 нояб.*)
- Рисунок Яна Козы «Польша выходит из ЕС и вступает в Царствие Небесное». (*«Политика», 23-29 нояб.*)
 - «Сейм принял закон под названием “За жизнь”. Внем, в частности, предусматривается, что женщина, которая родит ребенка с инвалидностью или неизлечимым заболеванием, получает единовременное пособие в размере 4 тыс. злотых. За принятие закона проголосовали 267 депутатов, против — 140, а 21 депутат воздержался». (*Дорота Абрамович, Рышарда Войцеховская, «Польска», 7 нояб.*)
 - «Сейм при помощи голосов ПИС принял вчера закон о пенсиях в предложенной президентом версии. С октября будущего года пенсионный возраст будет составлять 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин. (...) К концу срока полномочий нынешнего Сейма дефицит в Фонде социального обеспечения, вызванный реформами, увеличится до 15 млрд злотых. (...) Еще большим вызовом станет финансирование расходов в связи со снижением пенсионного возраста в следующем десятилетии. (...) К 2025 году дефицит достигнет 20 млрд злотых. Эту сумму придется искать преемникам нынешнего правительства». (*Гжегож Осецкий, Божена Викторовская, «Дзенник газета правна», 17 нояб.*)
 - «Парламент в ускоренном темпе одобрил, а президент подписал законопроект об изменениях, касающихся налога на доходы физических лиц. Лица, которые в будущем году заработают менее 6,6 тыс. злотых, от уплаты налога будут освобождены. А вот самые богатые заплатят больше. (...) “Выиграют от этих изменений 3,5 млн человек, для 20 млн ничего не изменится, — заявил в Сейме Павел Груза, вице-министр финансов. — Потери понесут ок. 700 тыс. человек”. (...) В группе пострадавших окажутся те, чей ежегодный доход превышает 85,5 тыс. злотых. Максимальный объем их финансовых потерь составит 556 злотых (если их доходы превысят 127 тыс. злотых). (...) Выиграют те, кто зарабатывает в год менее 11 тыс. злотых». (*Пшемислав Войтасик, Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 30 нояб.*)
 - «Согласно новому отчету “Paying Taxes 2017”, с точки зрения сложности налоговой системы Польша занимает сегодня 47 место в мире, это на 11 позиций лучше, чем в прошлом году». (*«Дзенник газета правна», 23 нояб.*)
 - «Недавно “The Economist” в сотрудничестве с Международным валютным фондом опубликовал объективный рейтинг мировых хозяйств, измеряющий (...) участие олигархов в экономике, структурах отраслей и так далее. Польша заняла в этом рейтинге второе место, уступив только Германии и опередив такие страны, как США, Япония, Южная Корея, Франция... Исследования проводились в двадцати странах, мы заняли второе место, а это значит, что польская экономика (*в этом отношении — В.К.*) признана практически образцовой. Худшую оценку получила Россия. (...) Наиболее патологическая ситуация в Польше и других странах сложилась в компаниях с участием государства. На это есть очевидные и самые разнообразные причины», — Петр Пшедвойский, экономист, руководящий фондом “Caspar TFI”. (*«Польска», 25-27 нояб.*)
 - «Последние события не благоприятствуют бизнесу и инвестициям. Участники рынка постоянно слышат заявления о грядущих революционных изменениях в экономике и законодательстве. Неуверенность, и без того немалая, усиливается за счет совершенно немыслимого информационного дуализма: всё чаще бывает так, что сначала появляется информация из одного правительственного источника, а через пару минут поступает опровержение из другого. (...) Царящий сегодня повсюду правительственный дуализм — это не следствие нескоординированной деятельности отдельных министров, а внешнее проявление борьбы разных фракций внутри правящей коалиции. (...) Эта партизанская война приобретает все более острые формы». (*Анджей Стец, «Жечпосполита», 21 нояб.*)
 - «Конституция для бизнеса» должна высвободить потенциал польских фирм, а также давать предпринимателям возможность рассчитывать на правовую защиту, — подчеркнул Матеуш Моравецкий, вице-премьер и министр развития и финансов. (...) Сердцем конституции бизнеса должны быть (...) несколько фундаментальных правил. Например: всё, что не запрещено законом, разрешено; принцип презумпции честности предпринимателя; принцип соразмерности вины и наказания; принцип ответственности чиновников за нарушения закона; принцип доверия к закону; принцип доброжелательной интерпретации правовых норм; принцип высокого качества и оперативности государственных услуг». (*Беата Древновская, Анна Цесляк-Врублевска, «Жечпосполита», 21 нояб.*)
 - «С начала января по конец сентября предприниматели, у которых трудятся 50 и более работников, инвестировали в польскую экономику 79,9 млрд злотых. (...) Считая в постоянных ценах, стоимость расходов фирм за этот период уменьшилась на 9,1%. Хуже того, снижение этого показателя постоянно продолжается. В первом полугодии затраты на инвестиции снизились немногим более, чем на 7%». (*Марек Хондзинский, «Дзенник газета правна», 22 нояб.*)
 - «Вчера Главное управление статистики подтвердило свои оценки. (...) В третьем квартале темп роста польской экономики составил 2,8%. По сравнению с предыдущим кварталом он вырос на 0,2%. Причиной снижения экономического роста в первую очередь стало торможение темпа и объемов инвестирования. Если в первом квартале они снизились на 2,2% по годовой шкале, то в третьем квартале — на 7,7%». (*Анна Попёлек, «Газета выборча», 1 дек.*)

- «Буквально за два дня перед запланированной на пятницу презентацией “Конституции для бизнеса”, призванной пойти навстречу требованиям экономического сообщества, Ярослав Качинский заявил, что в снижении роста ВВП виноваты... предприниматели, связанные с предыдущей властью, которые задерживают инвестиции. Абсурд месяца». (*Кишиштоф Адам Ковальчик, «Жечпосполита», 18 нояб.*)
- «На протяжении уже нескольких кварталов темп роста ВВП снижается в связи с уменьшением инвестиций. (...) Оказывается, что частные инвестиции выросли на 5%, а государственные в то же самое время сократились на 35%. Так что это еще вопрос, кто саботирует политику правительства. (...) Что ни день, нас ошарашивают очередными инициативами, которые бьют по экономике в целом либо по ее отдельным отраслям — повышение минимальной оплаты труда в три раза по сравнению с ростом продуктивности, снижение пенсионного возраста, банковский налог, налог на розничную торговлю, запрет на торговлю в воскресенье, запрет частных аптечных сетей, единообразный налог и так далее. (...) Ожидается, что рост правительственных расходов на социальные программы, увеличение пособия на детей и снижение пенсионного возраста составит 40 млрд злотых в год. Кому-то придется взять эти расходы на себя. (...) Трудно сохранять оптимизм в подобной ситуации. (...) Правительство пытается сделать так (...), чтобы государственные компании пользовались услугами других государственных фирм, брали кредиты в государственных банках, а страховал их государственный страховщик. (...) По данным Организации экономического сотрудничества и развития, у Польша самая огосударствленная экономика среди всех стран ЕС», — Еремий Мордасевич. (*«Политика», 30 нояб. — 6 дек.*)
- «Невыгодное для бизнеса регулирование хозяйственной деятельности и сомнительные перспективы развития страны, а вовсе не антипатия к правящей партии останавливает предпринимателей от инвестирования. (...) Правительство ввело отраслевые налоги, существенно повысило минимальную зарплату, снизило пенсионный возраст, изменило закон об НДС, что, по идее, должно помочь выявлению мошенников, но на самом деле может стать инструментом преследования бизнеса. Введение наказания, предусматривающего 25 лет тюрьмы и конфискацию фирмы, ужесточение регулирования экономической деятельности, рост государственного долга, смутные обещания довольно болезненных изменений в налогообложении, обрушивающее биржу вмешательство госкорпораций в убыточные экономические проекты государства, решение отказаться от имеющих силу закона интерпретаций налогового права, исключение частных фирм из системы охраны здоровья, политика изоляции от ЕС — это только некоторые из рисков, на которые обращают внимание предприниматели и инвесторы. И число таких рисков всё увеличивается. (...) Безответственное заявление Ярослава Качинского, который обвиняет польских предпринимателей в саботаже собственных фирм и экономики, не служит укреплению доверия бизнеса к власти», — «Business Center Club», Национальная экономическая палата, конфедерация работодателей «Левиафан», «Работодатели Республики Польша». (*«Жечпосполита», 18 нояб.*)
- «Беата Шидло пообещала навести порядок в деятельности неправительственных организаций. (...) Предложение о создании Национального центра гражданского общества вызывает серьезные вопросы. Центр призван “сосредоточить все денежные средства, выделяемые в настоящий момент различными ведомствами на различные цели”. (...) Целью создания Центра является прозрачность при распределении дотаций и ограничение вмешательства политиков в деятельность ассоциаций и фондов. (...) Создание данной структуры может оказаться очередным этапом политики централизации, проводимой ПИС. (...) Сравнение с Россией и Венгрией напрашивается само собой». (*Михал Шулдзинский, «Жечпосполита», 22 нояб.*)
- «Участник неправительственной организации “Открытые клетки” Шимон Розвадовский, 26-летний сварщик, активист, борющийся за соблюдение прав животных, устроился на ферму по разведению норок. (...) В одну из пуговиц его брюк была вмонтирована камера. На записях видно, как один из работников фермы поднимает норку и бьет ее головой о стену. (...) “Парни хватали норок за хвосты и (...) ударяли несколько раз. (...) Животные пытаются убежать, (...) работники топчут их. Норки истерично кричат, — рассказывает активист. — Один из работников придерживал голову норки дверцами. (...) Ударил ее несколько раз, по ее мордочке текла кровь”. Среди животных иногда доходит до каннибализма. Они живут здесь несколько месяцев, а осенью их травят газом. Некоторые, как видел Розвадовский, не умирают от газа, но все равно отправляются на бойню, где с них живьем сдирают шкуру. (...) Розвадовский говорит: “Я хотел собрать доказательства, чтобы люди знали, как делаются их шубы, (...) капюшоны, (...) искусственные ресницы». (*Роберт Риент, Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 28 нояб.*)
- «Идея создания Национального центра развития гражданского общества — это самый настоящий курьез. Как иначе назвать план по “огосударствлению” негосударственных организаций?». (*Сильвия Чубковская, «Дзенник газета правна», 23 нояб.*)
- «Власти городов (...) совершенно не беспокоит атмосфера, которая в последнее время создалась вокруг сектора неправительственных организаций в результате публикаций в государственных СМИ и высказываний ведущих политиков ПИС. Многие муниципалитеты, планируя бюджеты на будущий год, собираются увеличивать, иногда довольно ощутимо, объем денежных средств, выделяемый на сотрудничество с такими организациями». (*Томаш Жульчак, «Дзенник газета правна», 28 нояб.*)

- Вице-премьер и министр культуры Петр Глинский «в студии канала TVP поделился своими мыслями довольно красноречиво. “Это какой-то кошмар, сумасшедший дом. Вы тут рехнулись с этими программами о неправительственных организациях”, — сказал он». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 29 нояб.)
- «ПИС не считает уместным реагировать на дискуссию между вице-премьером Петром Глинским и TVP относительно неправительственных организаций, заявила пресс-секретарь ПИС Беата Мазурек». («Дзенник газета правна», 29 нояб.)
- «Воеводский административный суд в Варшаве приостановил решение министра культуры об объединении музея Второй мировой войны с музеем Вестерплатте. Суд обосновал это необходимостью “предупреждения значительного ущерба либо неотвратимых последствий”. Дело будет рассмотрено в следующем году. (...) По мнению тех, кто критикует решение министра, целью слияния было смещение неугодного ПИС руководства музея». («Газета wyborcza», 18 нояб.)
- «В субботу на площадь Пилсудского в Варшаве с протестом относительно ликвидации гимназий и грядущего хаоса в системе школьного образования вышли не менее 30 тыс. человек. К учителям присоединились родители и представители самоуправления. (...) Манифестация состоялась по инициативе Союза польских педагогов (СПП), который поддержали родители учеников. (...) Делегация родителей направилась к президентскому дворцу с петицией, в которой президента призывали не подписывать закон об изменениях в системе образования. (...) СПП с его протестом поддержали шесть крупных ассоциаций — от Союза польских городов до Союза сельских гмин. (...) Если правительство не откажется от реформы, СПП планирует организовать забастовку». (Ольга Шпунар, Юстина Сухецкая, «Газета wyborcza», 21 нояб.)
- «Депутаты ПИС приняли новый закон о собраниях, дающий властям право заблокировать неудобную для них демонстрацию собственными мероприятиями». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 3-4 дек.)
- «Наиболее тревожные изменения касаются права на частную жизнь. Правительственный аппарат контроля усилен до совершенно небывалой степени. Принятый в феврале закон, который все называют “законом ослежке”, предоставляет власти неограниченный доступ к данным интернет-пользователей. Если добавить к этому новеллы уголовного процесса, разрешающие использовать нелегально добытые доказательства, то можно сделать вывод, что элементарное право гражданина на частную жизнь в любой момент может быть нарушено либо ограничено. (...) Инфраструктура для ограничения права гражданина на частную жизнь уже создана и находится в исключительном распоряжении тех, кто осуществляет над ней свой непосредственный контроль», — Адам Боднар, уполномоченный по правам граждан. («Ньюсуик Польша», 20-27 нояб.)
- «Этого уже не остановить. Какие-то закомплексованные неудачники получили в руки инструмент, которым орудуют, словно кувалдой. Оскорбляя, унижая и призывая к насилию, они безнаказанны. Именно для этого им и нужно демонтировать правосудие — чтобы чувствовать себя безнаказанными. Уже видно, что часть прокурорских работников готова сменить высокое звание прокурора Речи Посполитой на амплуа политического держиморды. Пока что их меньшинство. И точно так же в меньшинстве находятся те, кто готов поступать в соответствии с этикой прокурора демократического правового государства. Между этими двумя полюсами — большая группа, поведение которой предсказать невозможно. Именно ей будет принадлежать решающее слово, когда конфликт окончательно назреет, а в этом у меня нет ни малейшего сомнения. Уже сегодня прокуроры ведут против меня дело, не сообщая мне об этом. Просят письменно проинформировать их о действиях, которые находятся исключительно в компетенции Конституционного трибунала и не подлежат ничьему контролю», — Анджей Жеплинский, председатель Конституционного трибунала. («Ньюсуик Польша», 21-27 нояб.)
- «В пятницу в Кракове начался двухдневный XII Национальный конгресс адвокатуры. (...) Его гостями стали, в частности, президент Польши Анджей Дуда и председатель Конституционного трибунала Анджей Жеплинский. Приветствуя последнего, собравшиеся несколько минут аплодировали ему стоя». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 26-27 нояб.)
- «47% участников опроса ЦИОМа считают, что ситуация в стране в целом меняется к худшему». («Дзенник газета правна», 23 нояб.)
- «Происходящее показывает, что элиты не в состоянии смириться с наличием в Польше гражданского общества. Им не нравится, что поляки хотят жить в безопасной и сильной стране, что у них есть свои мечты и планы, что они осмеливаются громко добиваться своего права на достойную жизнь. (...) Одним из наших важнейших успехов за первый год пребывания у власти стало то, что мы обеспечили основу для достойной жизни многих людей, а точнее, целых социальных групп, ранее не допускаемых к общему столу. (...) Достаточно назвать повышение минимальной оплаты труда, повышение минимальной пенсии до тысячи злотых, (...) мы также обеспечили пожилых людей лекарствами. Такие программы, как “500+” и “Квартира+”, стали фундаментальными элементами социальной политики, возвращающей простому человеку его достоинство», — премьер-министр Беата Шидло. («Газета wyborcza», 16 нояб.)
- «Нападения на иностранцев в Польше происходят всё чаще. По данным Национальной прокуратуры, в 2013 г. было зафиксировано 845 преступлений, совершенных по мотивам расовой ненависти и ксенофобии,

а в 2015 г. — уже 1548». (*Мариуш Каня, «Газета выборча», 15 нояб.*)

- «“В чем мы провинились перед вами, поляки, почему вы не хотите нам помочь?”, — спрашивает меня в университете Эз-Зарки в Иордании двадцатилетний сириец Мохаммед Аль-Балхи, будущий инженер. (...) Во вторник министр внутренних дел Мариуш Блашак назвал своим успехом тот факт, что Польша не приняла ни одного беженца». (*Бартош Т. Виленский, «Газета выборча», 26-27 нояб.*)
- «“8 млрд евро предназначены для стран, которые должны развиваться и хотят держаться вместе”, — заявил премьер-министр Италии Маттео Ренци, добавив: “Нам в Европе нужно сесть и обо всем договориться, поскольку эти 8 млрд евро в вышеупомянутых странах нельзя тратить на возведение стен на пути мигрантов. Пусть они делают это за свой счет”. “Весной начнется обсуждение бюджета ЕС, и мы наложим вето”, — пообещал Ренци». (*«Газета выборча», 14 нояб.*)
- «Работа Польского института в Париже фактически остановлена — несмотря на решение о смене руководства, новый директор института так и не назначен. (...) Будучи президентом, Николя Саркози часто использовал метафору моста, построенного между Парижем и Варшавой, скрепляющего тем самым всю Европу. (...) Теперь это уже в прошлом. (...) Польские политики сегодня не появляются во французских СМИ, хотя интерес к нашей стране сейчас особенно высок. (...) Должность посла республики Польша в Париже вот уже несколько месяцев остается незанятой». (*Эрик Мистевич, «Жечпосполита», 25 нояб.*)
- Замминистра иностранных дел «43-летний Роберт Грей (...) во вторник в срочном порядке был уволен со своей должности. (...) “Мы решительно опровергаем беспочвенные сообщения некоторых СМИ о том, что причиной отставки замглавы МИДа якобы стало сокрытие им данных о своем сотрудничестве с американскими спецслужбами”, — заявил польский МИД на своем официальном сайте». (*Изабела Кацпиак, «Жечпосполита», 1 дек.*)
- «Премьер Польши вместе с несколькими министрами приняла участие в польско-израильских международных консультациях. (...) Биньямин Нетаньяху (...): “Я очень ценю ту решительную позицию, которую заняла Польша по поводу возрождающегося в некоторых частях Европы антисемитизма”. (...) Оба правительства подписали декларацию (...) об общих ценностях, укреплении стратегического партнерства, а также противодействии бойкоту израильского государства (...) за его политику относительно палестинцев». (*Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 23 нояб.*)
- «В ноябре прошлого года, в ходе организованной “Национально-радикальным лагерем” манифестации против мигрантов, Петр С., один из участников манифестации, поджег одетую в халат и шляпу куклу с пейсами. (...) “Сожжение куклы означает, что подсудимый призывал к ненависти по отношению к тем, кого эта кукла символизировала”, — обосновал свой вердикт судья. (...) Суд приговорил хулигана к десяти месяцам лишения свободы без права на условное освобождение. Приговор оказался даже более суровым, чем того требовала прокуратура. (...) Решение не вступило в законную силу, а осужденный пообещал подать апелляцию». (*«Жечпосполита», 22 нояб.*)
- «В пятницу Барак Обама встретился в Берлине с руководителями крупнейших стран ЕС: Франции, Германии, Испании, Италии и Великобритании. Польша на встрече представлена не была». (*Петр Ендрачик, «Жечпосполита», 18 нояб.*)
- «Россия разместит системы противовоздушной обороны С-400 и ракеты “Искандер” в Калининградской области. Как заявил председатель комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Виктор Озеров, это ответ на установку американского противоракетного щита». (*«Жечпосполита», 22 нояб.*)
- «“Сила нашей армии заключается в огромной искренней вере польского народа, которую лучше всего символизирует крест Иоанна Павла II, стоящий здесь, на площади Пилсудского”, — заявил министр обороны Антоний Мацеревич в Варшаве во время торжественного присвоения 176 солдатам запаса первого офицерского звания». (*«Тыгодник повшехны», 4 дек.*)
- «132 священника произведены в младшие генералы. Никто так быстро не продвигается по службе в польской армии, как капелланы». (*«Пшеглэнд», 5-11 дек.*)
- «Генерал Болеслав Бальцерович, бывший комендант Академии национальной обороны, переименованной в Академию военного искусства, даже представить себе не мог, что кому-нибудь придет в голову обучать военную элиту заочно. “Академия — это путевка на самые высокие командные должности. Эти офицеры здесь не только обучались, но и воспитывались. Не понимаю, как можно воспитать офицера заочно”, — удивляется проф. Бальцерович. (...) “Кто-то подложил свинью тем военным, на которых теперь всегда будет стоять клеймо недо-генералов”, — говорит один из военачальников, прошедший обучение в очной форме и попросивший о сохранении анонимности». (*«Политика», 23-29 нояб.*)
- «На вчерашнее торжество по случаю назначения 57 офицеров на служебные должности не были приглашены начальник штаба и генеральный командующий, которому вооруженные силы подчиняются в мирное время. (...) Офицеры, назначенные Антонием Мацеревичем, вчера заняли все высшие должности генерального штаба». (*«Газета выборча», 19-20 нояб.*)
- «В этом году вступил в силу закон, повышающий расходы на оборону с 1,95 до 2% ВВП. Это означает, что оборонный бюджет составит 35,9 млрд злотых, из них 10 млрд предназначены на модернизацию армии. “По моим оценкам, у министерства обороны в этом году уже нет шансов на реализацию плановых закупок

- на сумму, которая бы составляла не менее 3 млрд злотых. Это (...) почти треть модернизационного бюджета нынешнего года», — беспокоится генерал Вальдемар Скупчик. (...) Новое правительство отменило результаты нескольких торгов, в том числе касающихся приобретения вертолетов и систем электронного управления боевыми действиями. (...) Вместо увеличения расходов на обучение и оборудование военным повысят зарплату». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 28 нояб.)
- «71% поляков считает, что в случае нападения на страны Балтии — Литву, Латвию и Эстонию — наша страна обязана встать на их защиту. В марте 2015 г. в пользу такой стратегии высказались 63% опрошенных. Опрос Института рыночных и социологических исследований, сентябрь 2016 года». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 7 нояб.)
 - «В ходе официального визита Петра Порошенко в Польшу было заявлено о ряде совместных намерений и планов. (...) Наиболее конкретным результатом данного визита стало подписание министрами обороны обеих стран рамочного соглашения о сотрудничестве в области обороны. (...) “Соглашение определяет правовые основы для расширения сотрудничества в 24 сферах, охватывающих практически все отрасли оборонной промышленности наших стран”, — говорит министр обороны Украины ген. Стефан Полторак». (Михал Потоцкий, «Дзенник газета правна», 5 дек.)
 - «Между собой воюют ближайшие, непосредственные соседи Польши. Возникает вопрос: мы должны как-то на это реагировать либо будем и дальше делать вид, что происходящее нас не касается? (...) Уровень воды в Висле снизился до рекордного уровня. А польские власти считают, что нужно помогать угледобывающим шахтам и жечь уголь, поскольку в этом, дескать, заключается наш национальный интерес. Они не хотят поддерживать развитие экологически чистых источников солнечной и ветровой энергии. Мы по-прежнему не видим связи между причиной и следствием. (...) Дональд Туск говорил, что климатические проблемы не могут быть важнее вопросов экономической эффективности. Но объективно они все-таки важнее. (...) “Экономист” пишет, что у нас всё плохо, Венецианская комиссия утверждает, что у нас всё плохо, Европейский парламент говорит, что у нас всё плохо — и все они не правы только потому, что они не поляки? (...) Я думал, что мы ушли вперед, но я ошибался. (...) Если в глубине души люди хотят диктатуры, (...) хотят увидеть, как забирают в тюрьму их соседку, а ее несносные чада исчезают без следа — то я уже не знаю, что тут можно сделать», — Михал Задара, режиссер. («Газета wyborcza», 3-4 дек.)
 - «Число жертв смога в Польше увеличилось на 4 тыс. (до 51 тыс.) по сравнению с результатами, представленными в прошлогоднем отчете Европейского агентства по окружающей среде (ЕЕА). Уже не первый год мы считаемся одним из европейских лидеров по степени загрязненности воздуха. Более половины отравляющих атмосферу субстанций поступает из домашних печей, которые топят плохим дешевым углем, а зачастую просто мусором. (...) В этом жутком рейтинге мы опережаем Грецию, Словакию, Чехию, Венгрию и Италию. Польша также лидирует в области эмиссии сильного канцерогена — бензапирена. По данным Всемирной организации здравоохранения, предельно допустимой безопасной концентрацией бензапирена является 1 нанограмм на 1 м³. В Польше эта норма превышена в семь раз». (Доминика Вантух, «Газета wyborcza», 24 нояб.)
 - «Компания “Государственные леса Польши” в будущем году поставит на рынок древесины 40,5 млн кубометров дерева, что на 1,5 млн больше, чем в этом году. (...) В 2017 г. “Государственные леса Польши” впервые сделают заготовки древесины для энергетической промышленности — для начала 800 тыс. кубометров. (...) Ранее сырье, которое использовалось в промышленности, нельзя было поставлять электростанциям». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 18 нояб.)
 - Поддержка партий: «Право и справедливость» — 30%, «Современная» — 20%, «Гражданская платформа» — 14%, Кукиз’15 — 9%, Коалиция левых сил — 4%, крестьянская партия ПСЛ — 4%, «Вместе» — 4%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 18-19 ноября. («Жечпосполита», 24 окт.)
 - «В ходе опроса, проведенного ЦИОМом, о своем доверии президенту Анджею Дуде заявили 61% респондентов, о недоверии — каждый четвертый. Премьер-министру Беате Шидло доверяют 51% опрошенных, не доверяют — 33%, Павлу Кукизу — 46% и 25% соответственно, доверие министру юстиции и генеральному прокурору Збигневу Зебро выразили 40% участников опроса и ровно столько же заявили о своем недоверии ему. Ярославу Качинскому доверяют 37% опрошенных, не доверяют — 50%». («Газета wyborcza», 1 дек.)
 - «Прежде всего я надеюсь, что те, кто сегодня управляет страной, желают ей добра. Я вижу, что в нашем правительстве очень много благородных людей, которые хотят работать для Польши. За границей мне часто говорят, как нам неслыханно повезло с президентом и правительством. Это люди, которые регулярно молятся, которые заботятся о своей стране. (...) Но вокруг них полным-полно и других людей, представителей старой формации. И мы постоянно видим, как они пытаются ставить нашему руководству палки в колеса. Это своего рода государство в государстве. (...) Взгляните хотя бы на этот пресловутый Комитет защиты демократии. (...) Какой демократии? Может быть, социалистической?», — о. Тадеуш Рыдзык, директор «Радио Мария». («В сети», 5-11 дек.)
 - «Наша национальная болезнь, которая (...) стала причиной смерти 96 первых лиц страны на аэродроме Северный под Смоленском, вновь дала о себе знать на прошлой неделе, во время возвращения премьер-

министра Беаты Шидло из Лондона. (...) В самолете не хватает мест. Несколько человек вынуждены стоять. Наземные службы в Латоне (...) не дают согласия на вылет перегруженного самолета. (...) Капитан лайнера (...) заявляет, что не полетит до тех пор, пока проблема не будет решена. (...) В конце концов после переговоров, продолжавшихся почти час, самолет покидает группа добровольцев, а также тех, кому приказали выйти их руководители. (...) Появляется выражение: да это “туполевизм”! (...) Почему на борту этого самолета одновременно оказались премьер-министр, вице-премьер, министры иностранных дел, обороны, юстиции, оперативный главнокомандующий вооруженными силами? (...) Почему пассажиры самого главного в тот день государственного польского самолета не были распределены по сидячим местам, пронумерованным, как в обычном рейсовом самолете? (Места, обозначенные номерами, есть даже на афганских авиалиниях “Kam Air”). (...) Почему пилот был вынужден вмешаться в эту абсурдную историю? Хотя, кто знает, может быть, это и к лучшему, поскольку он продемонстрировал мудрость и хладнокровие, за которые ему полагается государственная награда». (Збигнев Парафянович, «Дзенник газета правна», 5 дек.)

- «“Туполевизм” — выражение новое, однако оно иллюстрирует давнее, хорошо известное явление, которое для нас, как считают многие, вообще довольно характерно. Речь идет о нашей чрезмерной склонности к неразберихе и расхлябанности, в том числе в работе государственных институтов и в общественной жизни в целом, что иногда, как мы уже знаем, чревато трагическими последствиями, и уж в любом случае изрядно действует на нервы и мешает работать. Добавим к этому нашу нелюбовь к порядку, регламенту, а также элементарным правилам и нормам», — Кшиштоф Едлак, главный редактор. («Дзенник газета правна», 6 дек.)
- «Мне до сих пор непонятна вся эта история вокруг эксгумации останков жертв смоленской катастрофы. Разумеется, прокурор имеет право проводить эксгумацию без согласия семьи покойного, однако в том случае, если обстоятельства чьей-либо смерти свидетельствуют о виновности членов семьи. Использование же этого права в контексте смоленской трагедии является, по моему мнению, серьезным превышением полномочий. (...) Почему православные иерархи высказываются по этому вопросу достаточно определенно, а Епископат Польши молчит? (...) Играет свою роль еще и то обстоятельство, что нынешняя политическая элита благосклонно настроена по отношению к Церкви, поэтому епископам неудобно выступать против действующей власти», — о. Анджей Шостек, проф., марианин, бывший ректор Католического университета в Люблине. («Тыгодник повшехны», 4 дек.)
- «Поляки не видят смысла в эксгумации останков жертв смоленской катастрофы. Только 16% участников опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований (...), полагают, что в результате эксгумации могут быть получены новые доказательства, которые позволят выяснить истинные причины катастрофы. (...) 71% опрошенных считают, что новые доказательства не появятся. (...) На прошлой неделе была произведена эксгумация останков президентской четы». («Жечпосполита», 23 нояб.)
- «Страшную вещь сейчас скажу: фактическая организация Ярославом Качинским эксгумации останков брата и его жены отлично вписывается в то, как Качинский использовал своего брата при его жизни, бросив его в ходе президентских выборов на борьбу со своими главными противниками. В основе всего этого Смоленска и его ментальной структуры лежит соперничество Качинского с Туском и “Гражданской платформой”. Соперничество, в котором нужно победить любой ценой. Лех Качинский — и живой, и мертвый — является лишь пешкой в этой игре. Это звучит жестко, но это так», — проф. Збигнев Миколейко. («Польска», 18-10 нояб.)
- «Нашей страной никогда не правили националисты, а сегодня у власти стоят люди, стремящиеся сделать польское общество моноэтничным и монорелигиозным. Пока Качинскому удалось подчинить себе сложные и разветвленные структуры государства: армию, спецслужбы, администрацию, образование, органы правосудия. И потребуются еще много лет, прежде чем мы сможем вновь вернуть Польшу на цивилизованный путь», — Юзеф Пинёр, один из создателей “Солидарности”, бывший деятель антикоммунистического подполья и политзаключенный, бывший сенатор от партии “Гражданская платформа”, депутат Европарламента. 29 ноября был задержан сотрудниками Центрального антикоррупционного бюро по подозрению в коррупции и кумовстве. Судья Моника Смуга-Лесневская отказала в выдаче ордера на его арест в связи с крайне малой вероятностью совершения преступления. («Газета wyborcza», 3-4 дек.)